Текст · 6 мая 2026, 08:41
Анна Павлова, Сергей Голубев,

Шпионские игры в столовой. Посудомойщицу приговорили к 19 годам по делу о вербовке подростка-кадета в легион «Свобода России»

Дело 53-летней москвички Александры Житенко кажется абсурдным набором взаимоисключающих эпизодов: преподавательница английского языка со стажем устроилась мыть посуду в кадетском корпусе СК и погрязла в долгах, чтобы платить подросткам премии за дежурства в столовой. С одним из них она то ездила передавать гуманитарную помощь российским военным, то ходила на кладбище выкапывать послания от легиона «Свобода России», которые сама же и закопала.

Все эти странные приключения Житенко называла «педагогическим приемом» — попыткой уберечь подростка от опасных контактов с настоящим легионом «Свобода России». Она не догадывалась, что «легковерный» кадет по заданию ФСБ тайком записывал на диктофон все их разговоры. Так Житенко стала обвиняемой по делу о терроризме и получила 19 лет колонии.

«Медиазона» внимательно следила за судебным процессом и попыталась разобраться в невероятной истории Александры Житенко.

Впервые о деле Александры Житенко стало известно в октябре 2024 года. Тогда «Коммерсант» со

ссылкой на следствие писал, что москвичке, работавшей посудомойщицей в Кадетском корпусе Следственного комитета, вменяют участие в «Артподготовке» Вячеслава Мальцева.

Житенко арестовали еще 26 июля 2024 года, на следующий день после возбуждения дела. В карточке на сайте Басманного суда тогда значилась только одна статья — об участии в террористической организации[1]. Позже к обвинению добавили вербовку в террористическую организацию[2], попытку вовлечь в преступление несовершеннолетнего[3] и организацию обучения его терроризму[4].

Уже когда дело Житенко поступило во 2-й Западный окружной военный суд, стало известно, что оно связано с легионом «Свобода России».

Агентство ТАСС, ссылаясь на обвинение, передавало-, что в 2023 году Житенко вступила в ЛСР и планировала проникнуть в воинскую часть в подмосковном Красногорске. Для этого она пыталась использовать одного из воспитанников кадетского корпуса: просила его связаться с командованием части под видом волонтера или представиться студентом ВГИКа, якобы снимающим фильм об «СВО».

Чудаковатая. Из школы в столовую

Александре Житенко 53 года. В 1995 году она окончила педагогический университет в Москве-

[5], около десяти лет проработала учительницей английского, а потом стала преподавать на языковых курсах. Житенко — полиглот: кроме английского она самостоятельно выучила немецкий и французский, занималась украинским и кыргызским.

Кыргызский, как рассказывала в суде ее мачеха, Александра стала учить примерно в 2019 году. В карьере Житенко тогда случился странный перелом. Она внезапно уволилась, забросила преподавание и устроилась в прачечную РЖД, где работали в основном уроженцы Кыргызстана.

Родственники удивлялись, но Житенко говорила, что «любая работа хорошая» и за деньгами гнаться не стоит. При этом в суде она объяснила свое решение иначе: языковые курсы закрылись, ей не удалось никуда устроиться по специальности, а возвращаться в школу простым учителем не хотелось.

Летом 2022 года Житенко начала работать в ресторане «Теремок». Там тоже недоумевали, зачем человек с высшим образованием и знанием нескольких языков пошел печь блины в фастфуде. По словам бывшей коллеги, которая дала показания в суде, в коллективе Житенко считали «странной», а с точки зрения начальства она «не справлялась».

«Никто не воспринимал ее всерьез. Нам всем казалось, что она какая-то странная, чудаковатая, потому что она всегда улыбалась, кривлялась. Какие-то рожицы строила», — говорила свидетельница в суде.

Уже в начале ноября Житенко перешла в столовую Кадетского корпуса Следственного комитета. В суде она говорила, что проверка перед оформлением в штат длилась «около двух месяцев» — за это время место на кухне, на которое она претендовала, оказалось занято, поэтому ей предложили вакансию посудомойщицы.

Желание работать в столовой она объясняла интересом к поварскому искусству — хотела попасть «на стационарную кухню», чтобы изучать профессию с самых основ. Судя по ее показаниям, Житенко вообще увлекающийся человек: она учила языки, меняла профессии, пробовала себя в творчестве — писала стихи, прозу и придумывала «детективные сюжеты».

Ее отец на допросе упоминал сценарий детектива, по которому дочь хотела снять собственный фильм.

«Александра предлагала мне прочитать свои творения, но я очень скептически к этому отношусь, так как не вижу в ней таланта писателя-сценариста. Я всегда считал данные ее затеи простыми глупостями», — говорил он.

Родственники описывали Житенко как человека общительного и открытого, но оговаривались, что близких друзей у нее не было, а с детьми ей всегда было проще найти общий язык, чем со взрослыми.

Двоюродная сестра и бывшая коллега Житенко по образовательному центры Елена Колесова называла ее «очень ветреной, взбалмошной». По ее словам, Александра легко заводила новые знакомства, но

бывала слишком напористой и не чувствовала границ: на учениках пыталась «отрабатывать» собственные педагогические методики и внушала им свои идеи.

В кадетском корпусе, по словам самой Житенко, она тоже быстро наладила контакт с воспитанниками, которые по очереди дежурили в столовой. Вскоре она придумала оригинальный способ мотивировать их.

«Изи бабки». Игры с кадетами

«Возникла проблема, что кадеты плохо работают в наряде, и у них начались конфликты с поварами, — рассказывала Александра Житенко на допросе в суде. — Я решила — это классический педагогический прием — придумать какую-то мотивацию, которая бы исключала, чтобы на подростков повышали голос и грубо с ними разговаривали. Это не работало, начались стычки. Учитывая свое профессиональное образование, я знала, что если в детских коллективах создать какую-то игровую мотивацию, тогда не надо будет прибегать к какому-то жесткому воздействию, тем более, грубости».

Сначала появилась простая система баллов: за работу в столовой Житенко начисляла кадетам очки и вручала недорогие призы — конфеты или ручки. По ее словам, этого оказалось достаточно, чтобы заинтересовать ребят.

Позже она стала платить кадетам деньги. Житенко говорила, что один из учеников сам спросил, нельзя ли сделать бонусы более «материальными». Тогда примерно с февраля 2023 года она стала переводить

баллы в рубли: платила от 150 до 250, максимум — 500 рублей за наряд. Учет посудомойщица вела в отдельной тетради, используя для записей шифр.

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

К концу учебного года Житенко придумала второй этап «игры»: предложила давать кадетам деньги за выполнение заданий ЕГЭ. Эти задания считались «интеллектуальными» и стоили дороже — от 800 до 1 000 рублей. По подсчетам самой Александры, в «игру» втянулись около 15 человек.

Позже появился и третий, «творческий» этап. Житенко предлагала кадетам петь, делать презентации или сочинять литературные сюжеты. Темы, по ее словам, она выбирала военно-патриотические — в основном, о Великой Отечественной войне. На этот уровень перешли всего человек пять, хотя за такие задания посудомойщица начисляла больше баллов, а соотвественно, и выплаты были больше.

Александра говорила, что рассматривала эти задания как подготовку к масштабному «проекту» — например, объединить учеников для коллективной работы над сценарием «патриотического фильма». Сами кадеты, судя по их показаниям, воспринимали «игру» исключительно как способ подзаработать. У одного из них контакт Житенко в телефоне был записан как «Изи бабки»[6].

В целом подростки подтверждали то описание «игры», которое дала в своих показаниях сама посудомойщица: сначала баллы за наряды, потом выплаты за решение вариантов ЕГЭ или творческие задания. Офицеры корпуса, по словам некоторых кадетов, знали об «игре», но участвовать в ней не запрещали — только советовали «воздержаться».

Но суммы в показаниях учеников разнились: одни говорили о тысячах, другие — о десятках тысяч рублей. Одному из кадетов, как говорили в суде, Житенко заплатила в общей сложности около 100 тысяч рублей. Сначала она переводила своим подопечным деньги на карты, потом перешла на наличные, объясняя, что директор корпуса не одобряет «игру».

Некоторые кадеты говорили, что задумывались и даже спрашивали, откуда у посудомойщицы с ее небольшой зарплатой столько денег. Житенко отвечала по-разному: говорила, что зарабатывает репетиторством, упоминала некую «библиотеку», а иногда — церковный фонд «Милосердие».

Она действительно волонтерила в Синодальном отделе по благотворительности, но деньги на «игру»

брала из другого источника — Житенко была должна родственникам, знакомым и как минимум десятку банков и микрофинансовых организаций.

На вопрос прокурора Надежды Тихоновой, зачем вообще было нужно платить кадетам, он ответила так: «Чтобы помогать материально. Потому что я поняла, что у них есть реальные финансовые потребности, хотя бы на карманные расходы. Я же как человек могу реагировать на проблемы детей, подростков. Я считаю, что это имеет отношение к моральному качеству не только учителя, но и любого взрослого».

О своей странной «игре» Житенко рассказывала и родным. Тетя Александры вспоминала, что она жалела кадетов, многие из которых были сиротами или росли в неблагополучных семьях.

«Я ругала Александру за такую инициативу, поскольку у нее самой было затруднительное финансовое положение, но она не могла себе позволить хорошую одежду, отдых. Также у нее были финансовые обязательства перед банками и другими микроорганизациями», — говорила родственница, у дочери которой Житенко заняла 75 тысяч рублей.

Трудный подросток. Знакомство с потерпевшим

Около двадцати кадетов, которые участвовали в «игре» Житенко, проходят по делу свидетелями. Те из них, на чьих допросах в суде присутствовал корреспондент «Медиазоны», говорили, что Житенко

не обсуждала с ними политику, не критиковала власть и не упоминала легион «Свобода России».

На этом фоне выделяются показания единственного потерпевшего по делу — кадета Алексея[7], которого, по версии обвинения, Житенко и пыталась завербовать. На одном из заседаний юноша утверждал, что посудомойщица «предоставляла литературу по минно-взрывному делу, развитию навыков конспирации, а также изготовлению тайников и разведке местности».

Они начали общаться в середине апреля 2023 года. По словам Житенко, Алексей сам написал ей в вотсапе, узнав об «игре» от других кадетов. Сам он был командиром отделения и в наряды на кухню не ходил, но пару месяцев решал задания ЕГЭ по русскому и истории — и получал за это баллы.

Лично они встретились 13 июня 2023 года в кафе у метро «Кузьминки»[8]. Тогда Житенко передала ему наличные за выполненные задания, подарила шоколад и несколько ручек, одна из них была в виде винтовки — такие она вручала и другим присоединившимся к «игре» кадетам на 23 февраля.

Самого Алексея Житенко в суде описывала так: «Ну, проблемный подросток. У него было достаточно проблемное детство. Он оказался в приюте при живой маме». Она признавала, что парень любит «ловчить», но относилась к нему снисходительно.

Как утверждала женщина, инициатива в общении исходила от самого Алексея: он писал, интересовался новыми заданиями, а когда узнал, что она собирается

везти гуманитарную помощь в военную часть в подмосковном Нахабино, вызвался ее сопровождать.

На следующую встречу, 23 июня, Алексей принес — Житенко настаивает, что тоже по собственной инициативе — распечатку плана той самой части в Нахабино. Тогда же он взял у нее 13 тысяч рублей «в кредит» на подарок девушке. 15 августа они действительно съездили к военным и передали посылку: продукты, носки, шампунь, бритвенные станки. Позже Житенко перевела кадету еще 10 тысяч, чтобы он отправил помощь той же военной части уже от своего имени.

В деле есть аудиозаписи встреч Житенко с Алексеем. Полностью их расшифровки в суде не оглашались, но те фрагменты, которые зачитывала прокурор, местами заметно отличались от версии посудомойщицы.

Так, согласно материалам дела, уже на первой встрече она дала Алексею задание собрать информацию о военных, «принимавших участие в СВО», и изучить подходы к части в Нахабино. На второй встрече Алексей передал Житенко досье на лейтенанта Антона Левина — за это женщина заплатила ему 5 тысяч рублей. Позже они обсуждали, как попасть в часть и познакомиться с Левиным — кадет должен был говорить, что мечтает там служить, а Житенко представилась бы его тетей.

Сама женщина, отвечая на вопрос гособвинительницы, настаивала, что все это было подготовкой к интервью «в рамках

военно-патриотической работы», а изучать подходы к части она подростка не просила.

После прочтения сжечь. Записка в ручке и послания на кладбище

С началом учебного года осенью 2023 года общение Житенко с Алексеем стало регулярным: они переписывались и встречались примерно дважды в месяц.

Один из ключевых эпизодов в деле связан с подарком, который Александра сделала кадету еще при первой встрече в июне — той самой ручки в виде винтовки. В конце сентября Алексей рассказал Житенко, что она сломалась, а внутри он нашел бумажку со ссылкой на телеграм-канал легиона «Свобода России».

Житенко отрицала, что это она вложила бумажку в ручку; по ее словам, следователи показывали ей не саму записку, а только ее фотографию.

«Спустя три месяца он сказал, что была якобы эта бумажка, — говорила она в суде. — Я сказала, что я это не делала. И, естественно, мне это сбило с панталыку, что кто это мог сделать. Я тоже стала об этом думать, кто мог это сделать».

Однако по оглашенным в суде материалам можно догадаться, что о записке в ручке Алексей узнал гораздо раньше. Так, на заседании в конце февраля прокурор Тихонова зачитывала: «Записки со ссылкой, обнаруженной в одном из обломков ручки камуфлированного цвета, переданы в Управление

ФСБ России с сопроводительным письмом и соответствующим приложением — ручка является приложением к акту опроса [кадета] 24 июня 2023 года», то есть после второй встречи с Житенко. При этом гособвинительница упоминала, что записи первых разговоров кадет сделал по собственной инициативе.

Житенко в суде настаивала, что Алексей сам проявлял интерес к легиону «Свобода России» — снова и снова заводил о нем разговор и повторял одни и те же вопросы, например, сталкивалась ли Александра с его представителями.

Она утверждала, что ничего не знала об этой организации, но ее беспокоило, что Алексей «подсел» на эту тему и может попытаться связаться с легионом. Тогда Житенко решила «подыграть» мальчику и использовать «прием согласия» — чтобы удовлетворить его любопытство, чтобы свести опасный интерес на нет.

Она начала обсуждать с кадетом варианты помощи легиону и в итоге предложила ему довольно абсурдную схему: передавать представителям ЛСР медикаменты нужно было через госпиталь ветеранов на «Пролетарской».

По словам Житенко, она рассчитывала, что таким образом посылка попадет к российским военным, в то время как Алексей будет уверен, что помог легиону «Свобода России». В суде женщина утверждала, что кадет ей поверил.

«Оказался очень легковерным», — говорила она с усмешкой. Впрочем передать медикаменты в госпиталь им не удалось.

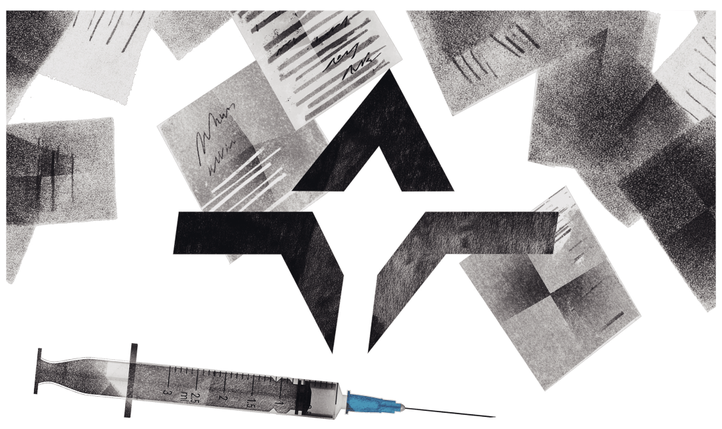

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

За постановочной передачей медикаментов последовали походы на Кузьминское кладбище за конспиративными сообщениями от ЛСР. Житенко сама печатала записки на украинском языке и закапывала рядом с могилами своих родственников, а спустя пару часов приводила туда Алексея и «находила» послания. Подсудимая уверяла, что кадет и это принимал за чистую монету. В деле есть кадры оперативной съемки: на них видно, как Житенко сначала прячет бумаги у памятника, а затем выкапывает их вместе с подростком.

Сами записки Алексей очевидно передавал ФСБ — они тоже приложены к делу.

В суде прокурор зачитала одну из них сначала на украинском: «*Одержавшим — спасибо. Дуже ризиковано. Пі&ля прочитання спалити*», а затем перевод: «Получившим — спасибо. Очень рискованно. После прочтения сжечь».

Другие записки она читала только в переводе.

Во второй говорилось: «Будем оставлять сообщения примерно раз в месяц. Если дни не совпадут, не проблема. Закопаем. Вам бы, конечно, сказали, что это

опасно. Но убедитесь сами, что мы не имеем ничего против вас или обычных людей. Мы только против режима. Писать будем на азбуке Морзе. Это лишний раз вам докажет, что мы думаем о вашей безопасности за свободу России».

Третья оказалась самой длинной:

«Не думаем, что нам следует рассказывать вам нашу историю, вы ее наверняка читали в интернете, поэтому дадим только комментарий по поводу явных противоречий, которые возникают из-за того, что ваше правительство по-прежнему заинтересовано в том, чтобы создать о нас негативное впечатление. Например, по-прежнему развивается версия, что наша организация всего лишь пиар-компания, но как тогда связать с этим те обвинения, которые нам предъявляют — диверсии и даже причастность к убийствам. Не слишком ли серьезно для всего лишь пиар-группы? Далее, все время твердят, что нас всего лишь единицы и мы не представляем никакой политической силы. Но мы не называли себя армией, и наша первоначальная цель была в том, чтобы те ваши люди, которые не согласны с режимом, могли иметь возможность открыто сопротивляться тем идеям, которые они не воспринимают. После прочтения сжечь».

Житенко уверяла, что ее «имитация сработала», потому что после трех походов на кладбище интерес кадета к опасной теме угас.

Однако прокурор указывала, что, согласно аудиозаписям, Житенко обсуждала с подростком и другие политические темы — гибель Алексея

Навального и теракт в «Крокус Сити Холле», критиковала власти и «специальную военную операцию».

Житенко на это отвечала, что лишь пересказывала «интернетные сплетни» и то, что слышала от своих знакомых. По ее словам, она не пыталась ни в чем убедить Алексея, а просто поддерживала разговоры, которые заводил сам кадет, причем часть фраз в материалах дела вырвана из контекста или передана неточно.

Что еще было на аудиозаписях встреч Житенко с кадетом

Материалы прослушки содержат еще больше сюрреалистических деталей:

— Житенко постоянно напоминала о конспирации, учила кадета действовать скрытно и даже купила ему парик для изменения внешности;

— она предлагала Алексею представляться студентом ГИТИСа, чтобы установить связи с военнослужащими из части в Нахабино;

— рассказывала, что российские власти боятся блокировать телеграм-канал легиона «Свобода России», а значит, там «70-80% правды». Позже она говорила, что легион создан ФСБ;

— обсуждала с кадетом легенду на случай вопросов полиции: будто они пытались уберечь каких-то школьников от связей с ЛСР, и у них остался «наработанный опыт», который может быть полезен силовикам;

— в качестве возможного канала связи с легионом Житенко, кажется, всерьез упоминала украинского журналиста Дмитрия Гордона;

— после того, как им не удалось передать помощь ЛСР через госпиталь ветеранов, Житенко говорила, что отдала медикаменты какому-то человеку, который подошел к ней в Измайловском парке «от Наташи».

Подробнее о встречах и разговорах Житенко с кадетом можно прочитать в отдельном тексте «Медиазоны».

На вопросы прокурора о шифрах в тетрадях, учебниках по минно-взрывному делу, парике и просьбе держать их встречи в тайне Житенко давала одинаковые ответы. По ее словам, все это было элементом «творческих сюжетов», которые она сочиняла вместе с Алексеем, а конспирация — попыткой уберечь мальчика от проблем с администрацией кадетского корпуса.

«Говорила, что я враг народа». Отказ от показаний

Вины Александра Житенко не признает. В суде она сказала, что после задержания в июне 2024 года подписала показания под «давлением» следователей, когда ее допрашивали без адвокатов.

«В первый день при задержании на меня было оказано как физическое, так и психологическое давление. После физического давления мне было сказано, что об этом нельзя говорить, что если я где-то об этом скажу, то давление продолжится. Я, естественно, была напугана», — рассказывала Житенко.

Следователи угрожали, что если она не будет «говорить то, что от нее хотят услышать», ей «устроят стресс». По словам Житенко, перед экспертизой в институте имени Сербского ее припугнули, что «вколют какое-то дополнительное лекарство», после которого она «точно расколется».

«[Следователь Кажарова] говорила мне, что я "враг народа", что я больше никогда не увижу своих родителей, что не буду жить в этой стране», — вспоминала Житенко.

Рассчитывая, что со временем следователи «разберутся и поймут, что на самом деле происходило», она частично признала вину в вовлечении несовершеннолетнего в преступление. Позже Житенко объяснила это обманом — ей сказали, что Алексей находится в СИЗО. Тогда женщина, по ее словам, испугалась, что ее «педагогический прием» не дал желаемого эффекта, а, наоборот, мог «подогреть интерес» подростка к опасной теме.

Жаловалась Житенко и на врачей в институте имени Сербского, где ей проводили судебно-психиатрические экспертизы. По ее словам, там ее не воспринимали всерьез и постоянно перебивали, обсуждали не ее состояние, а обвинение, советовали признать вину и пугали пожизненным сроком.

«У меня сложилось впечатление, что цель этой экспертизы в том, чтобы доказать, что я виновата... Врачи буквально ворвались в кабинет и говорят, что это шпион, шпионская натура, шпионский стиль характера», — утверждала она.

В итоге экспертиза признала ее совершенно здоровой. С этим несогласна сама Житенко: она считает, что врачи выполняли заказ следствия, хотя в личных беседах намекали ей на расстройство психики.

В деле Житенко упоминаются несколько человек, чья роль до конца не ясна. В суде зачитывали справку о выделенных материалах в отношении уроженцев Украины Сергея и Анны Геги, однако прокурор не объяснила, каков их процессуальный статус и как они связаны с обвинением против Житенко.

Из показаний свидетелей следует, что Гега был знаком с двоюродной сестрой Житенко, какое-то время жил в ее квартире со своей дочерью, а после ареста Александры предлагал свои услуги юриста и помогал ее матери добираться в суд.

С конца февраля по конец июня 2025 года, как выяснила «Медиазона», Сергея и Анну Гегу держали под «карусельными» административными арестами: после выхода из спецприемника снова задерживали по протоколам о мелком хулиганстве. Что с ними произошло после, неизвестно.

«И я поняла, что он на кого-то работает». Прения и приговор

«Я предполагала, что Алексей может сообщить что-то про меня, так как, судя по словам другого кадета, это было, по всей видимости, в характере Алексея. "Вот этот может болтать", — сказал он про Алексея, расписываясь летом 2023 года за получение бонусов и увидев в моей тетради роспись Алексея. Но я что, буду бояться? Если человек боится человеческой природы, то ему не нужно идти в педагогику», — говорила Житенко 4 мая, выступая в прениях.

Потом она сказала, что кадет «допустил серьезный просчет», когда сфотографировал калитку на кладбище, «чтобы запомнить путь».

«Действия Алексея выглядели как фотоотчет. Но, разумеется, не для меня, потому что я стою рядом. Я его не просила, этот фотоотчет. И я поняла, что он на кого-то работает», — объясняла Житенко.

Она снова напомнила, что инициатором их общения был сам Алексей и что именно он первым завел разговор о легионе «Свобода России». Житенко отметила бросающуюся в глаза абсурдность действий, которые вмеяет ей следствие: прятать записку в ручке, отправлять медикаменты для ВСУ через российский госпиталь ветеранов, инсценировать переписку через кладбище — настоящие заговорщики себя так не ведут, резюмировала она.

На протяжении всего судебного процесса сторона обвинения действительно ни разу не касалась вопроса о контактах Житенко или кадетов с настоящим легионом «Свобода России». Выступая в прениях, прокурор Тихонова ограничилась казенной

формулировкой: «Житенко не позднее 9 апреля 2023 года добровольно вступила в организацию». На самом деле это — дата ее первой переписки с Алексеем.

Зато гособвинительница подтвердила, что подросток написал заявление в ФСБ «с просьбой проверить информацию о противоправной деятельности Житенко, которая в игровой форме может подготавливать учащихся кадетского корпуса к совершению различных преступлений».

Прокурор Тихонова больше часа зачитывала фабулу обвинения: Житенко, «используя свою должность» в кадетском корпусе, решила «втянуть» в ЛСР сирот и подростков из неблагополучных семей, зная, что они нуждаются в деньгах и «в силу возраста и положения» подвержены чужому влиянию.

Прикрываясь разговорами о «патриотических статьях» и съемках фильмов про «СВО», продолжала гособвинительница, Житенко пыталась наладить контакты с российскими военными через «способных» кадетов. Алексей, который проявил «конспиративные способности», показался ей самым перспективным, поэтому Житенко давала ему задания посложнее — например, собирать информацию о военных, которую Житенко бы потом передала легиону «Свобода России».

Когда прокурор Тихонова снова начала пересказывать обвинение, судья Андрей Морозов оборвал ее, заметив, что она повторяет одно и то же уже в третий раз. После этого гособвинительница быстро закончила выступление и запросила Житенко 20 лет колонии и миллион рублей штрафа.

6 мая судья Морозов вынес ей приговор — 19 лет и 800 тысяч.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Часть 2 статьи 205.5 УК.

2. Часть 1.1 статьи 205.1 УК.

3. Часть 3 статьи 30 и часть 4 статьи 150 УК.

4. Часть 4 статьи 205.1 УК.

5. В суде Житенко говорила, что родилась в Ростовской области, но с трех лет живет в столице, однако в списке «террористов» Росфинмониторинга ее местом рождения указана Москва.

6. «Легкие деньги».

7. Имя потерпевшего изменено, поскольку на момент общения с Житенко он был несовершеннолетним.

8. Кадетский корпус находится в 15 минутах пешком от станции.